

— Да ладно, я по дороге уже с ним созвонился. Он сказал — гуляй на здоровье.

Получив добро, Сюй Сицзин схватил телефон и прыгнул в машину. От волнения он лишь через несколько минут спросил:

— А куда мы едем-то?

Динцзы, не выпуская сигареты изо рта даже за рулём, стряхнул пепел в широко распахнутое окно:

— Мог бы и позже спросить. Когда бы я тебя уже продал и деньги считал.

Сюй Сицзин, получив очередной щелчок, тут же огрызнулся:

— А окно закрыть не судьба? Ты один на весь город в такой мороз под крышей едешь?

Динцзы усмехнулся:

— Ладно! Слушаюсь, господинчик. Окно закрою. Личико господинчика просто так показывать нельзя.

Проиграв в словесной перепалке, Сюй Сицзин сбавил тон:

— Но я только телефон взял. Больше ничего с собой нет.

— Да и не надо, — отмахнулся Динцзы. — На шашлыки тебя везу, всё уже готово. Хоть раз в жизни жарил?

Неудивительно, что в ответ Сюй Сицзин покачал головой. Динцзы, довольно ухмыляясь, потрепал его по голове:

— Бедняжка несчастная, ничего в жизни не видел. Сегодня братец тебе мир покажет.

От прикосновения у Сюй Сицзина даже волосы дыбом встали. Он отпрянул:

— Ну что ты пристаёшь? В детстве учился, вырос — работаю. Когда мне шашлыки жарить?

После того как его взяли в семью Цинь, его быстро оформили в элитную школу для детей из богатых семей. Одноклассники смотрели на него свысока, презирая этого робкого и неотёсанного деревенщину. И были на то причины: они щебетали на беглом иностранном, которого он не понимал, а в его старой школе выучить словарь уже считалось достижением.

Делать было нечего, и Сюй Сицзин погрузился в учёбу. Семья Цинь гордилась своим аристократизмом и культурными традициями, и его усердие снискало одобрение родителей Цинь Цзюаня. Успехи в учёбе приносили редкие, драгоценные похвалы. После шестнадцатилетия он упросил Цинь Цзюаня отправить его за границу — и укатил даже раньше Цинь Хайпина, который только и мечтал, что о заморском образовании.

Но какой в том был толк? Цинь Цзюань, словно исполнив давнюю мечту, потерял всякий тормоз и стал прилетать за границу только ради одного. В первый раз, движимый гневом от предательства, Сюй Сицзин ещё мог себя уговорить стерпеть. А во второй? В третий? В последующие? Это было чистой воды обладание.

Во второй раз он выбрал предательство: тайно оформил академический отпуск, сбежал обратно

в Китай и подался в стажёры. Не прошло и двух месяцев спокойной жизни, как Цинь Цзэюань всё узнал — и начался ураган.

Сюй Сицзин потрянул головой, отгоняя мысли о Цинь Цзэюане, и принялся болтать с Динцзы о том о сём.

Болтал Динцзы всегда с прибаутками, не пройдёт и пары фраз — уже подколет. Да и в работе он был дотошный. Хотя с виду не скажешь, но если прислушаться — чувствовалась в нём та самая «гейскость». Сюй Сицзин, набравшись смелости, спросил:

— Ты вчера, уходя, сказал, что тот человек — твой парень. Значит, ты... мужчин любишь?

Динцзы рассмеялся:

— А ты и вправду не такой, как все. Другой бы слушал да ушами хлопал! — Он подмигнул Сюй Сицзину. — Все, кому я эту историю рассказывал, потом без ума от меня были!

Сюй Сицзин закатил глаза:

— Ты серьёзно можешь? Я ж тебя спрашиваю, а ты опять за своё. Не хочешь — не отвечай.

Динцзы не обиделся, а наоборот, спросил:

— А ты? Мужчин любишь?

— Не знаю, — честно ответил Сюй Сицзин. Он и правда не знал — ведь кроме Цинь Цзэюаня у него никого не было. Он усмехнулся:

— Если точнее, я не знаю, что значит — любить кого-то.

— Любить кого-то — значит делиться с ним радостью, искать у него утешение в печали, изливать ему душу, когда обидно. Скучать по нему в свободную минуту и думать о нём в работе. Сердце должно быть полно им.

Машина выехала на загородное шоссе, и простор после тесного города обрушился на них солнечным светом. Зимнее солнце залило салон, осветив Динцзы, смуглого и сияющего.

— Вот как я тебя люблю, — сказал он.

Сюй Сицзин так перепугался, что даже язык заплетаться начал:

— Ты... ты что это такое говоришь? Говори нормально, не неси чепухи!

Динцзы рассмеялся:

— А что, по-твоему, чепуха?

— Злопамятный ты какой! Я всего пару слов тебе вставил, а ты уже мной помыкаешь! Вчера ещё с грустью о бывшем парне рассказывал, а сегодня такие шутки шутишь! Надоел! — Сюй Сицзин засуетился.

— Ага, сам признал, что я неотразим! — Динцзы хлопнул в ладоши.

Сердце Сюй Сицзина чуть не выпрыгнуло от страха:

— Да ты на дорогу смотри! Не пугай так!

Динцзы снова крепко взялся за руль, и шуточный тон сменился серьёзным:

— Не бойся, я хорошо вожу. И я не шутил.

Сюй Сицзин, немного успокоившись, задал вопрос попроще:

— А этот твой парень... Что с ним было?

— Он был моим ассистентом. Мы познакомились, когда я учился в Америке. Я как раз фотографией увлёкся, а он в этом немного разбирался — вот и нанялся. Вместе мы отсняли кучу материала, торчали по несколько суток в таких условиях, что и представить страшно, — всё ради одного-единственного кадра. — Динцзы улыбнулся, и взгляд его унёсся вдаль.

— Потом мы, само собой, сошлись. Любовь пришла со временем. За несколько лет моя студия разрослась, работы стали ценить, пару премий даже получил. А потом, как в самых заезженных историях, трудности мы пережили, а вот стабильность не вынесли. Начались ссоры, могли по несколько дней, а то и недель, не разговаривать. В конце концов мы всё обсудили по-взрослому и решили разойтись. Но ассистентом он остался — студия ведь не только моё детище, но и его.

Машина мчалась по шоссе. Редкое для начала зимы солнце заливало салон. Динцзы продолжал:

— В тот раз в Африке мы уже выехали из городка, где ночевали, а он вдруг вспомнил, что забыл бленду. Обычно он никогда не допускал таких ляпов, да и бленда — ерунда. Теперь-то я понимаю — судьба, наверное.

Динцзы закурил новую сигарету и глубоко затянулся:

— Тогда уже были тревожные признаки. В городке были жёсткие проверки, документы оформляли долго, так что мы ждали снаружи, а он один пошёл. И как назло — как раз в тот момент местные вооружённые формирования подняли мятеж. В городке мгновенно началась стрельба.

— И что же? — Сюй Сицзин замер.

— Что? Я с ума сходил, хотел рвануть туда, но ребята из студии меня держали. Своей жизнью я мог рискнуть, но не их — пришлось разворачиваться. Мятеж, видимо, готовили давно — волна прокатилась по нескольким посёлкам. Мы гнали долго, пока не нашли более-менее спокойное место.

— Два дня я прождал, а потом не выдержал и поехал обратно. Ты знаешь, это был первый раз, когда я воочию увидел, что такое война. Дороги были забиты беженцами с пожитками, а на обочинах... на обочинах лежали тела, которым уже некому было помочь. От городка почти ничего не осталось. Там, где ещё пару дней назад кипела жизнь, теперь стоял только запах гари и пороха.

— Когда я нашёл его... на нём не было ничего, что могло бы опознать. Только та самая бленда. Часы, телефон, кольцо, цепочку — всё отобрали. Жара стояла страшная, тело уже начало разлагаться... Два стервятника сидели рядом, клевали его. Увидели меня — улетели.

Сюй Сицзина затрясло от тошноты. Динцзы протянул ему бутылку с водой:

— Прополощи рот. Наверное, тебя сейчас вывернет.

Сюй Сицзин сделал большой глоток, чтобы прийти в себя, и спросил:

— А ты... а ты как?

<http://bllate.org/book/16267/1463799>